

А. Г. СПИРКИН

ПРОБЛЕМА ФОНЕМЫ И ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ

Труды И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», явившиеся подлинным переворотом в науке о языке, открыли необычайно широкие перспективы творческого развития всех областей языкознания, в том числе и фонетики.

Разоблачив идеалистические ошибки Н. Я. Марра, злоупотреблявшего семантикой, отрывавшего мышление «от природной материи» языка, И. В. Сталин со всей силой подчеркнул, что «оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой «природной материи» — не существует»¹.

Поскольку единственным языком человечества является звуковой язык, то, естественно, единственной «природной материей» языка, выполняющей роль посредника между людьми в процессе общения, являются звуки речи.

Вне чувственно-воспринимаемых речевых звуков, являющихся своего рода материалом для построения всей системы языковых форм, немислим никакой язык.

Звуковую материю языка во всей сложной системе ее закономерных связей, в ее социальной функции, проявляющейся в процессе общения, в ее историческом развитии по внутренним законам данного языка, в ее непосредственной связи с другими сторонами языка — морфемами и словами — изучает фонетика. Основным понятием фонетики является понятие фонемы.

1. Фонема как реальная языковая единица

В потоке живой речи каждого народа существует огромное разнообразие звуков, которые находятся в закономерной взаимозависимости друг с другом, образуя сложную систему, специфичную для каждого языка. Все звуки данного языка объединяются в определенные типы, дающие возможность строить слова и предложения, членораздельно выражать наши мысли и отличать одни морфемы и слова от других при их восприятии.

Фонема — это историческая категория, она не есть нечто изначально от природы данное, она представляет собой продукт многовекового развития человеческой речи. Будучи результатом общественной речевой деятельности народа, фонема является вместе с тем необходимой предпосылкой этой деятельности.

Фонема — это исторически сложившаяся по внутренним звуковым законам развития данного языка, общая в материальном и тождественная в функциональном отношении единица звуковой материи языка, служащая средством построения и различения языковых форм.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 39.

Реально фонема существует лишь в связи с другими фонемами, образуя материально целое — морфему или слово. Лишь в этой связи фонема есть то, что она есть. Качество структуры целого — морфемы или слова — влияет на качество компонентов, составляющих это целое.

Соединяясь между собой в процессе образования языковых форм, фонемы, взаимодействуя между собой, видоизменяют друг друга, образуют различные варианты, сохраняя при этом свою качественную определенность звуковых единиц, дающую возможность отличать одну фонему от другой. Например, фонема *m* в русском языке, как определенная звуковая единица, реально существует не как некий средний итог, не как общее в «чистом» виде, а в виде единичных форм своего проявления. «Общее, — писал В. И. Ленин, — существует лишь в отдельном, через отдельное»². Ср. *там, тополь, светло, пятно* и т. п. Во всех этих вариантах звука *m*, несмотря на их некоторое физическое различие, есть нечто существенно общее и в физическом, и в функциональном отношении. Вот это объективно общее во всех этих звуках и дает нам возможность рассматривать данную систему звуков как одну фонему *m*, которая, несмотря на изменения, функционально остается сама собой. Функциональное тождество фонемы базируется на физическом сходстве звуков, являющихся вариантами данной фонемы.

Качественные особенности звуков речи отличаются от качественных особенностей других явлений реального мира в том отношении, что качества предметов не создаются в их отношениях между собой, а лишь проявляются в этих отношениях, тогда как качество вариантов фонем, их дифференциальные признаки не только проявляются, но и создаются в отношениях звуков между собой в потоке живой речи данного народа.

Фонема видоизменяется, образуя различные варианты, под влиянием других звуков. При этом характер изменения данной звуковой единицы определяется характером тех звуков, с которыми они вступают во взаимосвязь, образуя различные языковые формы.

Качество фонемы — это совокупность ее признаков, свойств, особенностей, которые в своем единстве образуют нечто целое — определенную звуковую единицу.

Существенным для фонемы является не то, что отличает один звук, составляющий данную фонему, от другого, а то, что объединяет их. Понятие фонемы отражает реальную общность звуков, составляющих данную фонему. Эта общность заключается в их материальном сходстве и функциональном тождестве. Звуковые единицы — фонемы, — несмотря на их различия, являются единичными в функциональном и общими в материальном отношении не потому, что мы их воспринимаем таковыми, а, напротив, мы их воспринимаем таковыми потому, что они в действительности являются общими. Общее существует в мыслях об определенном классе предметов потому, что оно существует в предметах мысли.

Следует иметь в виду, что звуки и их функции находятся в неразрывном единстве. Фонема — это социальное функционирующий звук. Поэтому нельзя отрывать и тем более противопоставлять функции звуков самим функционирующим звукам, как вообще нельзя отрывать свойство какого-либо предмета от предмета, обладающего данными свойствами.

«...Существуют не качества, — писал Энгельс, — а только вещи, обладающие качествами»³.

Фонема — это не сама по себе функция, а функционирующий в речи звук. Отрывать функцию, выполняемую определенным звуком, от материального носителя этой функции, т. е. звука речи, значит стать на чуждые марксизму позиции релятивизма, который рассматривает отношения между предметами в отрыве от предметов отношения.

² В. И. Ленин, *Философские тетради*, ОГИЗ, 1937, стр. 329.

³ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, 1950, стр. 184.

2. Критика ошибочных положений С. К. Шаумяна по вопросу о фонеме⁴

С. К. Шаумян в своей дискуссионной статье «Проблема фонемы» пытается увязать конкретно лингвистический анализ фонемы с положениями диалектического материализма. Сама эта попытка — весьма положительный факт. Но она, как показал пример Н. Я. Марра, еще не предпринимает позитивных результатов. Конкретный анализ проблемы фонемы не только не вытекает у С. К. Шаумяна из положений диалектического материализма, но он находится в явном противоречии с ними.

С. К. Шаумян пишет, что «основные понятия фонологии есть абстракции, которые представляются диכו́винными с точки зрения так называемого «здорового смысла» (стр. 325). «Имея дело с абстракциями, выходящими за пределы непосредственных, чувственно воспринимаемых данных, фонология в своих принципах оказывается тесно связанной с общими философскими проблемами» (стр. 325). «Хотя основные понятия фонологии — абстракции, однако эти абстракции помогают нам ориентироваться при решении чисто прикладных задач» (стр. 326).

Из приведенных положений следует, что фонология якобы имеет дело не с реальной системой чувственно-воспринимаемых звуков языка, а с абстракциями. Таким образом, абстракции у С. К. Шаумяна из средства познания превращаются в объект познания. Мысль о предмете превращается в предмет мысли. Фонема превращается в понятие о фонеме, которое затем проецируется в языковую действительность в виде дифференциальных признаков звуков речи, оторванных от самих звуков.

С. К. Шаумян считает, что фонемы качественно отличны от звуков речи как чисто физического явления (стр. 330), что «функциональное членение речевого потока качественно отличается от физического», и что оно «является единственно существенным членением...» (стр. 331).

С точки зрения С. К. Шаумяна, фонема — это абстракция, которой соответствует определенная языковая действительность, причем этой действительностью являются не функционирующие в речи звуки, а сами по себе функции. Дифференциальные качества звуков, обусловленные системой функциональных звуковых противопоставлений, — вот, согласно С. К. Шаумяну, та фонетическая действительность, которая является объектом фонологии. Как это ни парадоксально, но, согласно С. К. Шаумяну, звуки во всем их чувственно-воспринимаемом бытии бесследно исчезли из фонологии. Более того, он сознательно отрицает их как единицы речевого потока. На стр. 341 он недвусмысленно ставит вопрос, содержащий в себе имплицитно определенный ответ: «Есть ли звуки, как они даны нам в непосредственном, чувственном опыте, реальные единицы речевого потока?»

Из чего исходит С. К. Шаумян, отрывая функции звуков от их субстрата? Единственным основанием для этого служит тот бесспорный, но далеко не типичный факт, что разные звуки могут составлять одну фонему и, наоборот, одни и те же звуки входят в разные фонемы. Но этот факт никак не может служить основанием для тех выводов, которые делает С. К. Шаумян. Подобно тому как наличие синонимов и омонимов в лексике любого языка не может служить основанием для отрыва формы от содержания, семантики от материальной стороны слова, точно так же тот факт, что разные звуки иногда образуют одну фонему и одни и те же звуки — разные фонемы, не может служить основанием для противопоставления и отрыва функции от ее материального субстрата.

С. К. Шаумян, на наш взгляд, совершает двойную ошибку: 1) он оторвал дифференциальные качества звуков от самих звуков, сделав сами по

⁴ См. статью С. К. Шаумяна «Проблема фонемы», «Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз.», т. XI, 1952, вып. 4.

себе качества объектом фонологии; 2) растворил эти гипостазированные качества в понятиях о качествах звуков. Таким образом, С. К. Шаумян дважды потопил звуки: один раз в дифференциальных признаках, другой — через эти признаки — в понятиях о признаках. Получается, что объектом фонологии являются не звуки речи и даже не признаки этих звуков, а лишь понятия об этих признаках.

Эти ошибки С. К. Шаумяна неминуемо приводят к отрыву мышления от языка. Ведь нематериальные понятия о дифференциальных признаках звуков не могут служить материальной оболочкой понятий о предметах реального мира!

Рассматривая дифференциальные признаки звуков как их сущность, а сами носители этих признаков — звуки — как видимость, данную нам в ощущении и восприятии, и считая, что сами по себе функции звуков являются объектом отдельной науки, С. К. Шаумян волей-неволей отрывает явления от сущности, а сущность от явлений и тем самым попадает в агностицизм и идеализм.

Утратив звуки как реальные единицы речевого потока, С. К. Шаумян не испытывает особых затруднений, так как с его точки зрения, физическое сходство или несходство звуков не имеет ровно никакого значения для решения вопроса об их принадлежности к той или иной фонеме (см. стр. 329). Все дело, согласно С. К. Шаумяну, в тождестве функций, а не в сходстве звуков. Но ведь если тождество функций не обусловлено сходством звуков, то функции повисают в воздухе, они оказываются оторванными от их материального носителя — звуков речи!

Получилось голое отношение функций без того, что является субъектом отношений. Здесь С. К. Шаумян приходит к релятивизму, за который он сам совершенно справедливо критикует последователя Карнапа датского фонолога Ельмслева.

Релятивизм — не случайные оговорки С. К. Шаумяна, это лейтмотив всей его статьи. С особенной наглядностью он выступает в том месте, где С. К. Шаумян рассматривает причины звуковых изменений. «Движущую силу развития фонологической системы, — пишет С. К. Шаумян, — составляет непрерывное взаимодействие между нефункциональными и функциональными факторами» (стр. 342). Имманентное стремление фонологической системы к устойчивости выступает как некая мистическая сила, являющаяся внутренним движущим функциональным фактором, определяющим жизнь всей системы фонем. С. К. Шаумян оторвал не только функцию от носителя этой функции, признавая борьбу между ними как движущую силу их развития, но и от всей системы языка — морфем, слов и т. п. Получился замкнутый в себе и для себя мир функциональных отношений, живущих своей собственной жизнью.

Метафизический разрыв предмета науки неизбежно ведет к разрыву науки об этом предмете. Оторвав функцию звуков от самих звуков, С. К. Шаумян оторвал фонологию от фонетики. Более того, он по существу ликвидировал фонетику как лингвистическую дисциплину. С точки зрения С. К. Шаумяна, фонетист изучает физические свойства звуков речи сами по себе, «тогда как фонолог рассматривает их как зеркало, в котором отражается различительная функция фонемы» (стр. 332). В этом положении заключены две принципиальные ошибки. Если различительная функция фонемы отражается в звуках, как в зеркале, то ведь функция оказывается совсем не связанной со звуками, подобно тому как предмет, отражающийся в зеркале, не связан с последним, так как он находится вне того, что отражает, он не является свойством зеркала.

Далее, если фонетика изучает только физические свойства звуков речи сами по себе, не касаясь их функции, то она превращается из общественной лингвистической дисциплины в один из разделов физики — акустику.

Существенным методологическим пороком статьи С. К. Шаумяна является ее антиисторизм. Вопреки указанию И. В. Сталина о том, что главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка, а следовательно, и законов развития звуковой стороны языка, С. К. Шаумян, несмотря на то, что он посвящает специальный раздел истории фоном, рассматривает фонетические явления вне истории, а лишь синхронно. А между тем, хорошо известно, что нельзя построить теории фонемы без исследования ее истории. Марксизм несовместим с антиисторизмом.

Какой путь привел С. К. Шаумяна к ошибочным положениям? Основной прием исследования, насколько о нем можно судить по его результатам, который применяет С. К. Шаумян в своей статье, — это абстрактный конструктивизм, оторванный от реальных фактов языка. С. К. Шаумян идет не от реальных фактов к теоретическим обобщениям, а, наоборот, от произвольно сконструированных положений к искусственному подбору фактов. С. К. Шаумян резко выступает против приемов эмпирического исследования. Эмпирический анализ, являющийся с точки зрения марксистско-ленинской теории познания абсолютно необходимой предпосылкой для любого теоретического анализа, с высокомерным презрением отвергается С. К. Шаумяном. С его точки зрения, эмпирический прием является источником заблуждений и эклектизма. Так например, автор, незаслуженно превознося Трубецкого, считая его создателем фонологии и вместе с тем критикуя его позиции, объясняет его эклектизм тем, что он «не сумел окончательно порвать с эмпирическими приемами исследования» (стр. 337). Эта позиция С. К. Шаумяна находится в противоречии с учением В. И. Ленина о познании, идущем от живого созерцания к абстрактному теоретическому мышлению и от него к практике. «Чтобы понять, — писал В. И. Ленин, — нужно эмпирически начать понимание, изучение, от эмпирии подниматься к общему. Чтобы научиться плавать, надо лезть в воду»⁵.

Другое дело, что нельзя останавливаться на ступени эмпирического исследования, нужно идти дальше — к теоретическим обобщениям, вскрывать закономерности, лежащие в основе этих фактов. Но отрицать эту ступень — значит проповедывать безответственное гадание по поводу возможных, но не существующих языков, с возможными, но не существующими фонемами, что и делает постоянно в своей статье С. К. Шаумян.

Вместо того чтобы дать обстоятельный анализ фактов звуковой стороны какого-либо реального языка, С. К. Шаумян предпочитает играть в предположения. «Представим себе язык, в котором у фонем [i], [e] и [æ] артикуляция становится резко открытой...» (стр. 328). И на этой несерьезной основе ведутся весьма странные рассуждения о природе фонемы: «Вполне возможны и такие языки, где фонемами являлись бы целые слоги» (стр. 331). Критикуя Трубецкого, который хотя и с неверных методологических позиций, но исходит из реальных фактов языка, С. К. Шаумян пишет: «На самом же деле можно представить себе язык, в котором такие сочетания, как [ks] должны считаться за одну фонему» (стр. 336).

Но ведь так можно представить себе все, что угодно, в том числе ангела и чорта! Но какая научная ценность этим чисто умозрительным, спекулятивным представлениям, не соотносящимся с действительностью, и что на их основе можно доказать, кроме склонности к неумеренной фантазии?

Почему С. К. Шаумян наотрез отвергает эмпирический прием исследования? Полное отрицание эмпирического приема исследования является следствием ложного понимания сущности этого приема.

Что это действительно так, подтверждается следующим примером. С. К. Шаумян на 337 странице своей статьи ссылается на положение Энгельса о том, что если данный признак является общим для целой группы явлений или предметов, то это еще не может служить доказательством, что этот признак относится к числу существенных признаков. Так, например,

⁵ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 178.

на основании эмпирического обобщения долгое время ошибочно считали сосцы существенным признаком млекопитающих животных. Однако оказалось, что утконос и ехидна не имеют сосцов. Если бы последние вымерли и не были открыты, то эмпирики упорствовали бы в своем заблуждении.

Таким своего рода «утконосом» и «ехидной» в языкознании оказался, по мнению С. К. Шаумяна, датский язык, в котором вариантами одной и той же фонемы могут служить разные звуки и, напротив, сходные звуки могут служить разными фонемами.

Но причем тут эмпирический прием исследования?! Разве утконоса или ехидну в биологии и особенности фонематического строя датского языка в языкознании (кстати, не только датского, это явление свойственно и другим языкам) открыли не эмпирически, а чисто умозрительным, спекулятивным путем?! Разве позволительно отвергать тот или иной прием исследования на основании того, что кто-то неправильно пользуется им или ограничивается только им, беззаботно относясь к серьезным теоретическим обобщениям?

Энгельс выступает не против самого эмпирического приема исследования — это необходимый этап всякого серьезного научного исследования, — а против его абсолютизации, против того, чтобы ограничиваться только этим этапом, не идя дальше и глубже. Таким образом С. К. Шаумян извратил положения Энгельса по данному вопросу.

Претендуя на «окончательное определение фонемы» (стр. 331), утверждая, что его концепция фонемы является дальнейшим развитием теории Бодуэна де Куртене, С. К. Шаумян на самом деле не только не внес ничего нового в решение этого вопроса, но допустил серьезные методологические ошибки.